

Чу Цзюбянь чувствовал направленные на него со всех сторон взгляды.

Они исходили не только от гражданских и военных чиновников под длинной лестницей, но и от воинов Императорской гвардии, стоявших на посту или скрывавшихся в разных уголках дворца, которые также были личными солдатами Цинь Сяо.

Эти люди были первостатейными мастерами боевых искусств. Если бы они почувствовали опасность для Цинь Сяо, то вмешались бы в первое же мгновение.

То, что они до сих пор не предпринимали действий, очевидно, объяснялось тем, что Чу Цзюбянь был безоружен и не представлял угрозы для Цинь Сяо.

Они не чувствовали опасности, но Чу Цзюбянь чувствовал, что смерть близка, потому что увидел, как Цинь Сяо «улыбнулся».

Как говорилось в романе, чем явственнее улыбался этот человек, тем ужаснее была смерть тех, кто его разгневал.

Ну разве не псих?!

Чу Цзюбянь мысленно кричал в истерике, но выражение лица не менял, улыбаясь. Он даже слегка пошевелил руками и похлопал того по грудным мышцам, говоря: «Сначала отпусти меня, столько народу смотрит».

Такие действия и слова были ничем иным, как дерганьем тигра за усы.

Цинь Сяо полностью вернул контроль над телом. Он медленно обвел взглядом лицо Чу Цзюбяня. Взгляд был ледяным и пронизывающим, почти осязаемым.

Чу Цзюбяню казалось, что места, которых касался этот взгляд, немели. Внезапно нахлынуло чувство невесомости, а затем последовала тупая боль от падения на белый нефритовый помост — это человек, державший его, разжал руки, и он рухнул наземь.

Сильно ушиб поясницу. Не успел Чу Цзюбянь вздохнуть с облегчением, как увидел склонившегося над ним Регента. Тот протянул длинную руку, его грубые, с выступающими суставами пальцы крепко сомкнулись на хрупкой шее Чу Цзюбяня.

Дыхание Чу Цзюбяня перехватило, он рефлексивно вцепился в мускулистую руку мужчины.

Под принуждением он поднялся на ноги, пошатываясь.

Подняв глаза, Чу Цзюбянь увидел, что стоящий перед ним человек с интересом его разглядывает.

В небесах и на земле стояла полная тишина.

Чиновники безмолвствовали, боясь дышать. Маленький император неподалеку, казалось, тоже был напуган и беспомощно сжимал кулачки.

В такой обстановке бешеный стук его собственного сердца был особенно отчетлив.

Чу Цзюбянь чувствовал, что вот-вот совсем задохнется. Он сильно прикусил кончик языка, чтобы сохранить ясность ума, и изо всех сил пытался отодрать руку от шеи.

Он не хотел умирать сейчас!

Смерть была так близка, но никакого способа спастись не было, и мозг его работал невероятно быстро и четко.

Он появился внезапно, да еще и во время церемонии восшествия на престол, когда маленький император еще не успел утвердиться на троне. Поэтому Цинь Сяо, возможно, принял его за убийцу, посланного какой-то группировкой или силой.

Судя по жестокому и решительному характеру Цинь Сяо, тот должен был убить его в первое же мгновение появления.

Но система специально выбрала его точкой приземления, заставив поймать себя.

Способность управлять телом другого человека — это сродни колдовству или божественным силам. Даже такой человек, как Цинь Сяо, должен был проникнуться опасением.

То, что сейчас Цинь Сяо не свернул ему шею, а оставил крошечную лазейку для дыхания, вероятно, тоже из-за сомнений: ему было интересно узнать тайну Чу Цзюбяня.

Достаточно. Пока у Цинь Сяо есть хоть капля любопытства и настороженности к нему, у него остается шанс на жизнь.

А его слова о том, что он — божество, спустившееся пройти любовное испытание, еще сильнее разожгут любопытство и желание разобраться в нем. В такой ситуации тот точно не убьет его с легкостью.

К тому же, сейчас ведь церемония восшествия на престол. Проливать кровь — плохая примета.

Чу Цзюбянь смотрел прямо на Цинь Сяо. Его влажные персиковые глаза от физиологического воздействия увлажнились, уголки покраснели, во взгляде читался упрек и гнев.

Но его бледные, мягкие губы изогнулись в довольной улыбке, а выражение лица приобрело оттенок чувственности.

Два совершенно разных настроения слились в причудливом переплетении, подобно той роли, которую он сейчас на себя взял — одновременно человек и божество.

«Какой же ты злой», — снова заговорил Чу Цзюбянь. — «Я же знал, что ты мне не поверишь».

Голос его был хриплым, не таким приятным, как раньше.

Сейчас он был в шаге от смерти, важно было спасти жизнь, а не красоваться. Красование только ускорило бы его кончину.

Мозг лихорадочно работал: нужно было найти причину, чтобы заинтересовать Цинь Сяо еще больше.

Внезапно он вспомнил слова системы.

«Хочешь заключить пари?» — Чу Цзюбянь пристально смотрел на Цинь Сяо. — «Если я, Верховный Бог, выиграю, ты будешь кормить и поить меня в свое удовольствие и поможешь пройти любовное испытание. Если я проиграю — делай со мной что хочешь».

Цинь Сяо видел много людей, но перед лицом его столь сильного убийственного намерения никто не мог сохранять спокойствие.

А этот человек с самого начала не выказал ни тени страха, всегда был собран и спокоен, словно ему было все равно, умрет он или нет.

Но по факту, этот человек все еще изо всех сил боролся за «жизнь».

Очень странно, очень противоречиво.

Но надо признать, такой человек, особенно в таком странном наряде, внезапно появившийся и с порога заявляющий, что он «бог», очень заинтересовал Цинь Сяо.

Он медленно ослабил хватку, но по-прежнему держал Чу Цзюбяня.

«О чем пари?» — с интересом спросил он.

Чу Цзюбянь, подавляя зуд и сухость в горле, хрипло произнес: «Спорим, что через четверть часа будет ливень. Если не будет — выиграл ты».

Сейчас небо было безоблачным, солнце палило нещадно, летняя жара июня томила и раздражала.

При таком раскладе не то что Цинь Сяо — даже сам Чу Цзюбянь без системы не поверил бы, что пойдет дождь.

Естественно, он не доверял этой странной системе, но в данный момент ему нужен был повод доказать, что он — «бог», поэтому приходилось рисковать.

В мире, по уровню развития соответствующем эпохе «Весен и Осеней» и «Сражающихся царств» в его родном мире, умение предсказывать небесные явления, да еще с такой точностью до четверти часа, безусловно, считалось бы «чудом».

Поэтому его «пари» не было полностью обеспечено гарантиями.

Если он проиграет, его действительно убьют.

Это действие, балансирующее на лезвии ножа, заставило его мозг полностью возбудиться, свет в глазах становился все ярче.

То ли совпадение, то ли действительно приближалась буря.

Как только Чу Цзюбянь произнес эти слова, по доселе безветренному Императорскому дворцу внезапно пронесся легкий ветерок, раздувая широкие рукава и полы одежды чиновников. Серебристо-белые длинные волосы Чу Цзюбяня мягко развевались, придавая его прекрасному лицу немного колдовской притягательности.

Цинь Сяо пристально смотрел на стоящего перед ним юношу. Спустя мгновение он наконец полностью отпустил его.

Внезапно восстановив доступ воздуха, Чу Цзюбянь уже не мог сдержать зуд в горле и, схватившись за шею, зашелся в надрывном кашле.

Звон в ушах и кашель заглушили большую часть слуха, но он все же расслышал, как Цинь Сяо произнес короткие два слова: «Уведите вниз».

Как только стихли слова, на помосте появились два одетых в мягкие доспехи солдата Императорской гвардии. Они схватили Чу Цзюбяня под руки с двух сторон и увели с помоста, по дворцовым дорожкам направляясь вглубь дворца.

В горле Чу Цзюбяня чувствовался привкус крови, но ему наконец удалось подавить сухой, раздражающий зуд.

Вероятно, понимая, что он безоружен, гвардейцы, спустившись с помоста, отпустили его, лишь сопровождая по бокам.

Чу Цзюбянь сглотнул слюну и, оглянувшись, посмотрел на помост позади.

Фигур, стоявших на нем, уже не было видно.

«Хватит смотреть», — раздался впереди насмешливый голос.

Чу Цзюбянь обернулся и увидел молодого человека в темных доспехах, стоявшего со скрещенными на груди руками. Черты лица его были жесткими, взгляд открытый, и он с легкой усмешкой разглядывал его.

Гвардейцы по бокам тут же сложили руки в приветствии: «Главноуправляющий Ань».

Ань Пин, второе имя Уцзи, заместитель главнокомандующего Армии Цинь, нынешний главный командующий Императорской гвардии, а также правая рука Цинь Сяо, его «главный приспешник».

Чу Цзюбянь прокрутил в голове информацию и слегка улыбнулся.

К счастью, этот персонаж появился в оригинальной книге довольно рано, не пришлось выяснять.

Ань Уцзи без стеснения осматривал Чу Цзюбяня: от серебристо-белых сапог, через пояс с самоцветами, до явно недешевого серебристого песцового меха на плече.

Наконец, его взгляд остановился на лице Чу Цзюбяня.

В Императорском городе не было недостатка в красавицах, но у этого «божества» было поистине лицо, не похожее на человеческое.

Конечно, Ань Уцзи больше заинтересовала прическа Чу Цзюбяня.

Спереди коротко, сзади длинно; спереди черные, сзади серебристые — крайне странно.

На мгновение у него даже мелькнула мысль: а не спустился ли этот человек действительно с небес пройти испытание?

Но он тут же отбросил эту мысль.

Человек перед ним говорил загадками, в такую жару на плече носил мех — возможно, у него просто помутился рассудок, но он точно не мог быть «богом».

Стоп, хватит думать об этом.

Их господин Нин-ван больше всего ненавидел разговоры о духах и демонах, не стоило попадаться ему под горячую руку.

Ань Уцзи отвел взгляд, ему лень было болтать, и он первым зашагал вперед.

Чу Цзюбяня подтолкнули сопровождающие гвардейцы, и он пошел следом.

Он осматривал окрестные пейзажи: это не был путь из дворца. Куда же его ведут?

Время шло минута за минутой.

Церемония восшествия на престол перед залом Фэнтяньдянь не была нарушена этим происшествием и продолжилась как ни в чем не бывало. Чиновники совершили троекратное коленопреклонение и девять земных поклонов, провозгласив «Десять тысяч лет» (да здравствует император).

Маленький император детским звонким голоском произнес: «Встаньте».

Раздался мощный хор голосов чиновников: «Благодарим Ваше Величество!»

Министр церемоний Ван Чжиюань зачитал указ, возвещающий о восшествии на престол нового императора.

Глава Циньтяньцзяня, держа в руках государственную печать, поднес ее императору.

Байли Хун, который давно репетировал это, уверенно принял печать. Чиновники снова совершили поклоны, провозглашая «Десять тысяч лет».

На этом церемония восшествия наконец завершилась.

Цинь Сяо подошел к маленькому императору и сказал: «Ваше Величество, прошу войти во дворец».

Байли Хун послушно кивнул и сделал два шага вперед.

Заметив, что дядя не идет с ним рядом, он растерянно обернулся.

Цинь Сяо кивнул ему в ответ.

Хотя Байли Хун не понимал, почему дядя не идет с ним плечом к плечу, он послушно повернулся обратно и, семеня короткими ножками, с пытением направился к залу Фэнтяньдянь.

Сопровождающий его главный евнух Хун Фу (главный евнух Хун) уже принял государственную печать, бережно держал ее и шел немного позади и сбоку от императора, ступая легко и бесшумно.

Когда маленький император отошел на некоторое расстояние, Цинь Сяо наконец двинулся с места, медленно следуя за ним.

И как только он пошел, зашевелились и чиновники, стоящие под длинной лестницей. Они чинно поднимались по ступеням, все вместе направляясь в сторону зала Фэнтяньдянь.

Все соблюдали приличия, держались степенно, за всю дорогу никто не перешептывался.

Лишь войдя в зал и встав по обеим сторонам согласно рангу, они подняли глаза и посмотрели прямо перед собой.

Девять ступеней из белого нефрита, через каждые три ступени — широкая площадка.

На самой верхней площадке стоял трон в форме дракона, на котором восседал маленький император.

А на второй площадке, что ниже, где обычно ничего не должно было быть, теперь справа стояло широкое черное деревянное кресло. В нем, одетый в черно-золотую мантию с вышитым драконом, восседал Регент, взирая на толпу чиновников внизу.

Только в этот момент чиновники по-новому осознали, какие почести и какую власть на самом деле имеет «Регент».

Это было истинное положение — один под небом, десять тысяч над землей (один человек под императором, над десятью тысячами людей).

На дворцовой дорожке Чу Цзюбяня, ведомого Ань Уцзи, прошло уже больше десяти минут,

близилось время прогнозируемого системой ливня.

«Главноуправляющий Ань», — позвал Чу Цзюбянь, голос все еще был хриплым.

Ань Уцзи покосился на него, но промолчал.

Видя, что тот не реагирует, Чу Цзюбянь не смутился и продолжил сам: «Вот-вот пойдет дождь. Не знаю, куда именно ты ведешь меня, Верховного Бога?»

Когда Чу Цзюбянь произносил эти божественные речи, голос его был негромок, но в тот момент в зале стояла мертвая тишина, поэтому его слова услышал не только Ань Уцзи, но и, наверное, многие чиновники под лестницей.

Но никто не отнесся к его словам серьезно.

Какой там бог, какое испытание — этот убийца лишь бы спасти свою шкуру, чего только не скажешь.

Теперь, услышав, как Чу Цзюбянь снова заводит ту же песню, Ань Уцзи фыркнул и насмешливо сказал: «Господин божество, четверть часа почти прошла. Вы только взгляните на солнце — есть хоть малейший признак перемены погоды?»

Чу Цзюбянь и вправду поднял глаза.

До спрогнозируемого системой времени дождя оставалось всего несколько десятков секунд.

Солнце палило нещадно, он слегка прищурился.

Неужели система так ненадежна?

Тогда он проиграл пари?

[Дорогой хозяин, прогноз погоды — это самая базовая функция системы, ошибок не бывает.]

Голос системы раздался неожиданно, Чу Цзюбянь замер на месте.

Ань Уцзи заметил его внезапную заминку, тело его рефлекторно напряглось, острый взгляд устремился на Чу Цзюбяня.

Двое других гвардейцев тоже схватились за длинные ножи на поясах, взгляды их стали

острыми и настороженными.

Система, словно желая доказать, что она действительно не ошибается, уже вела обратный отсчет в голове Чу Цзюбяня: [Десять, девять...]

Чу Цзюбянь посмотрел на Ань Уцзи и мягко улыбнулся.

Почти в то же мгновение небо и земля внезапно изменились.

Завыл холодный ветер, раздувая серебристо-белые длинные волосы, плащ громко хлопал на ветру. Прекрасное лицо Чу Цзюбяня приобрело неуловимую отстраненность, даже улыбка на его губах казалась таинственной и странной.

Зрачки Ань Уцзи сузились, в глазах, устремленных на Чу Цзюбяня, читался плохо скрываемый ужас.

Вихрь нес влажное дыхание, проносясь сквозь дворцовые ворота, врываясь в открытые двери зала Фэнтяньдянь.

Колеблемые ветром занавеси, широкие рукава и полы чиновников хлопали с глухим звуком. Многие изменились в лице, пренебрегая этикетом и приличиями, с ужасом обернулись к дверям зала.

А Цинь Сяо, сидящий в широком кресле, внезапно поднял глаза и устремил взгляд за пределы зала.

Буквально через пару вдохов редкие капли дождя, торопясь, начали падать на землю.

Еще через несколько вдохов палящее солнце полностью утратило способность освещать землю, скрывшись за слоями черных туч. Весь Императорский город оказался под многослойной завесой дождя.

Ливень действительно начался.

<http://bllate.org/book/17024/1584014>